

ПРИНЦИП КЛИНАМЕНА В ПОЭТИКЕ АЛЬФРЕДА ЖАРРИ

В статье исследуется специфика эстетической программы одного из самых неординарных писателей рубежа XIX–XX веков, в творчестве которого сконцентрировались черты переходного периода, отчетливо просматривается разрыв с предшествующими традициями. Изучаются основы художественных взглядов Жарри. Главное внимание при этом уделяется принципу «клинамена», который лежит в основе его художественной системы. С этой целью анализируются такие его произведения, как «Песочные часы памяти», «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патифизика», «Безграничная любовь» и другие, в которых особенности писательской манеры Жарри отразились наиболее отчетливо. Констатируется, что художественная система Жарри, построенная на принципе «клинамена», утверждает стихию всеобщего релятивизма, соединяющего противоположности. Пределы знания, границы смысла в творчестве Жарри все время отодвигаются: субъективный произвол у него – результат разочарования в метафизическом мышлении. На этом основании делается вывод о том, что стратегия познания, заданная такими координатами, как истина, Бог, центр, универсальный смысл, утрачивает для Жарри значение. Безликий «клинамен» приходит на смену Богу-смыслу. Слово Жарри, работающее по принципу «клинамена», – единственная возможность противостоять хаосу бытия. Своевольно опровергая изначальный существующий порядок, оно создает особенный мир, построенный на семантическом произволе, возникающем в результате отклонения смысла от изначального значения слова.

Ключевые слова: *fin de siècle*, «смерть Бога», метафизика, патифизика, клинамен, герметизм, *Deus ex machina*

Информация об авторе: Таганов Александр Николаевич, ORCID <https://orcid.org/0000-003-3270-1277>, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

E-mail: shishtag@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.11.2020

Для цитирования: Таганов А.Н. Принцип клинамена в поэтике Альфреда Жарри // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 167-171. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-167-171>

Aleksandr N. Taganov
Ivanovo State University

THE CLINAMEN PRINCIPLE IN THE POETICS OF ALFRED JARRY

The article examines the specificity of the aesthetic programme of one of the most extraordinary writers in the turn of the 20th century, in whose creative activity the features of the transition period are concentrated, and the gap with previous traditions is clearly visible. The basics of Alfred Jarry's artistic views are studied. The main attention is paid to the principle of «clinamen», which is the foundation of his artistic system. Taking this into consideration, we analyse such his works as «Les Minutes de Sable mémorial», «Exploits and Opinions of Dr. Faustroll, Pataphysician», «Absolute Love» and the others, in which the features of Alfred Jarry's writing style are reflected most obviously. It is stated that Alfred Jarry's artistic system, based on the «clinamen» principle, approves the power of universal relativism that connects oppositions. The limits of knowledge, the limits of meaning in Alfred Jarry's work are constantly being pushed back – Alfred Jarry's absolute subjectivism is the result of disappointment in metaphysical thinking. In this connection, it is concluded that the strategy of knowledge, determined by such coordinates as truth, God, centre, universal meaning, loses its value. The faceless «clinamen» replaces the God-meaning. Alfred Jarry's word, which acts on the principle of «clinamen», is the only way to withstand the chaos of existence. Willfully rejecting the original existing order, it creates its own world, which is built on semantic despotism, resulting from the deviation of meaning from the original meaning of the word.

Keywords: *fin de siècle*, «death of God», metaphysics, pataphysics, clinamen, Hermeticism, *Deus ex machina*

Information about the author: Aleksandr N. Taganov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of Foreign Philology Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

E-mail: shishtag@mail.ru

Article received: 15.11.2020

For citation: Taganov A.N The clinamen principle in the poetics of Alfred Jarry. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 167-171 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-167-171>

Место Альфреда Жарри (1873–1907), одного из самых парадоксальных писателей fin de siècle, в мировом литературном процессе обозначено современным литературоведением предельно четко: он предтеча европейского литературного авангарда, автор причудливого абсурдистского учения под названием «патафизика». Жарри создавал свои произведения в период, когда кризис позитивистских концепций в философии и натуралистического художественного опыта в литературе привел к появлению множества новых течений и школ, в деятельности которых прослеживались попытки пересмотра устоявшихся представлений и антирационалистическая направленность. Наряду с символизмом, в культурной жизни Франции того времени заметную роль играют различного рода мистические и оккультные идеи, в той или иной мере и в разной форме проявившиеся у многих писателей и мыслителей эпохи, например, таких как Жорис-Карл Гюисманс (1848–1907), Леон Блуа (1846–1917), Жозефен Пеладан (1859–1918), Папюс (1865–1916), Станислас де Гюайта (1860–1898).

Жарри живо реагирует на особенности современной ему духовной жизни. «Его мысль, – как справедливо замечает один из исследователей, – перемешивает совершенно своеобразным и оригинальным образом чисто символистские идеи с христианством и эзотеризмом» [Alfred Jarry: 26]. Кроме того, следует отметить внимание Жарри к философским учениям [Stehlin], подтверждающееся, в частности, и упоминанием в его произведениях имен известных мыслителей (Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Бэкона и т. д.), а также увлечение научными идеями, рождающими у него фантастические образы странных механизмов, вроде машины Клинамен из романа «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика» или любовной человекомашины из романа «Суперсамец». Разнообразие интересов Жарри рождает в его произведениях широкий спектр тем и проблем, относящихся как к социальной, повседневной, профанной жизни, так и к явлениям потаенной, сакральной реальности. Как следствие этого в его текстах возникают и сосуществуют различного рода дискурсы, реализующие полифонию проявления жизненного пространства.

Человек в большинстве случаев представлен у Жарри на фоне бытия, законы которого, как правило, сокрыты и требуют особого гносеологического усилия для проникновения в них. В результате этого многие тексты Жарри приобретают форму герметических книг, насыщенных сложной символикой и затемненностью смысла, что проявляется в большинстве его произведений, особенно таких, как «Песочные часы памяти» («Les Minutes de Sable mémorial», 1894), «Кесарь-Антихрист» («César-Antéchrist», 1895), «Другой Альцест»

(«L'Autre Alceste», 1896), «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика» («Gestes et opinions du docteur Faustroll, pataphisicien», 1898), «Безграничная любовь» («L'Amour absolu», 1899). В этой связи стоит прислушаться к словам французского философа Жюль Делеза, который считает Жарри «неведомым предшественником Хайдеггера» [Делез: 125], видит в его творчестве своеобразный способ преодоления традиционного, метафизического мышления, которое ведет к «забвению бытия» [Хайдеггер: 181].

Прояснить мысль Делеза во многом помогает присутствующее в романе Жарри «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика» и уже упоминавшееся слово «клинамен», которое служит названием одной из глав указанной книги и находит воплощение в образе красильной машины, создающей произведения искусства, исходя из своей произвольной внутренней механической воли.

Понятие «клинамен» восходит к учению Эпикура об атоме. Атом, с его точки зрения, способен осуществлять незначительные произвольные отклонения от прямой линии падения, что является свидетельством наличия свободы в природе и необходимым условием образования различных форм материи. М. Ямпольский, посвятивший рассмотрению феномена «клинамена» применительно к сфере искусства специальную главу в одной из своих книг, справедливо замечает, что теория «клинамена» оказывается чрезвычайно актуальной для художественного творчества в целом и художественного слова в частности. Подтверждением тому становится писательская деятельность некоторых литераторов рубежа XIX–XX веков, у которых Бог, как первопричина и смысл всего сущего, заменяется «клинаменом», то есть случаем, не подчиненным никакому детерминизму [Ямпольский]. К числу таких писателей можно отнести и Жарри.

Единственная возможность противостоять абсурду существования, непроясненности бытия, с точки зрения Жарри, – творить свой собственный мир, личностный экзистенциальный смысл посредством спонтанного действия (что Жарри и осуществлял в своей повседневной жизни, давая повод для возникновения многочисленных анекдотов [Besnier: 13–17]) или художественного слова, опирающегося на патафизическое мышление. По замыслу Жарри, «патафизика есть наука о вообразаемых решениях, которая образно наполняет контуры предметов свойствами, пока что пребывающими лишь в потенции» [Жарри: 274–275]. Это учение о том, что «дополняет метафизику как в рамках оной, так и за ее пределами, причем за эти самые пределы “патафизика простирается столь же далеко, как метафизика – за границы обычной физики”, предметом ее описания будет “мир, который мы можем – а вероятно, и должны – видеть на месте привычного...”» [Жарри: 274].

К числу «воображаемых решений» у Жарри относится и создание художественных смыслов, предполагающее особое обхождение с языком. В книге «Песочные часы памяти» Жарри так определяет задачи литературного творчества: «Внушать вместо того, чтобы говорить. Создавать на дороге фраз перекресток из всех слов» [Жарри 1932: 8].

«Перекрестки из слов» у Жарри создаются из отклонения от прямой линии свободного «падения» смыслов слов, в результате чего возникает особая многозначная структура текста. Конкретный факт социальной или культурной жизни может стать у него поводом для лингвистической игры со словами, в результате чего создается новая реальность, замещающая исходную. Реальное у Жарри часто переходит в литературное, а литературное становится реальным. Миметический принцип уступает место логике, согласно которой слово обретает независимость по отношению к объективной действительности и позволяет извлекать из себя потенциальные смыслы, не соотносимые напрямую с этой реальностью. Герметизм, закрытость, субъективный произвол у Жарри – результат разочарования в метафизическом мышлении. Стратегия познания, заданная такими координатами, как истина, Бог, центр, универсальный смысл, утрачивает значение. Безликий «клинамен» приходит на смену Богу-смыслу. Мотив единого Бога, создателя мира, его первопричины проходит через все творчество Жарри. Вместе с тем художественная стратегия Жарри, заданная логикой «клинамена», направлена не на утверждение идеи предустановленного порядка как условия существования мира, а скорее на ее опровержение. Постоянное обращение к теме Бога необходимо Жарри лишь для того, чтобы развенчать мысль о божественной первооснове бытия как гарантии его гармоничного, упорядоченного строения.

Контуры понятия «Бог» у Жарри деформируются, абсурдизируются, как это происходит в романе «Деяния и суждения доктора Фаустроля, патафизика» («± Бог есть кратчайший путь от нуля к бесконечности – так или иначе, в ту или иную сторону» [Жарри: 348]), иногда подвергаются буффонному переосмыслению (оперетта-буфф «Леда»). Мысль Жарри о непроницаемости бытия отражается и в самом употреблении слова «Бог». Это слово, призванное означать всеобъятность вселенной, у Жарри размывается в своих границах – может заменяться земным именем, например Эмманюэль (роман «Безграничная любовь»), соединяться с другими божественными именами (Zeus/Dieu – Dzeus – в пьесе «Леда»). По сути, таким образом в текстах Жарри по-своему реализуется ницшеанский тезис о смерти Бога.

Художественная система Жарри, построенная на принципе «клинамена», утверждает стихию всеобщего релятивизма, соединяющего против-

положности: плюс и минус, жизнь и смерть, Бога и Антихриста. Контаминируя философский, эзотерический и научный дискурсы, Жарри выстраивает свое учение в виде философского диалога, доверяя свои идеи вымышленному мудрецу Ибикрату-геометру, который, опираясь на созданного воображением писателя основателя учения о патафизике Софротатоса Армянского и используя символику карт Таро, определяет понятие «Бог» через соединение полярных противоположностей. В результате создается причудливое образование: «И третьей отвлеченной фигурой Таро, по мысли Софротатоса Армянского, является та, что зовем мы тrefами, каковая есть Дух Святой, загнутый о все четыре угла, с двумя крыльями, хвостом и головою Птицы, а если его перевернуть – то стоящий прямо Люцифер, рогатый, брюхатый и крылатый, похожий на аптекарскую сепию, в особенности ежели убрать с его лица все отрицательные (читай: горизонтальные) линии; или – третий вариант – *tau*, он же крест, символ религии милосердной и человеколюбивой; или, наконец, фаллос – дактилическое выражение тройственной истины...» [Жарри: 345]

Слово Жарри, работающее по принципу «клинамена», – единственная возможность противостоять хаосу бытия. Своевольно опровергая изначально существующий порядок, оно создает свой мир, построенный на семантическом произволе, возникающем в результате отклонения смысла от изначального значения слова. Пределы знания, границы смысла в творчестве Жарри все время отодвигаются: Фаустроль и его спутники пускаются, подобно героям Рабле, в путешествие в поисках абсолютной истины. Однако путешествие это принимает фантазмагорические формы, оказываясь путешествием по кругу, замкнутым на себе странствием из Парижа в Париж по земной тверди на челне. Его конечный итог – констатация того, что «Бог есть точка, в которой сходятся ноль и бесконечность». А финальная фраза («*Патафизика есть наука...*» [Жарри: 348]) переводит проблему поиска смысла бытия в разряд гипотетических, потенциальных смыслов.

Слово Жарри не стремится вывести нас в конечном итоге к потаенной истине, заданной божественным порядком. Окунаясь в глубины эзотерического смысла, оно тут же стремится «всплыть» на поверхность жизни. В романе о Фаустролле есть глава «О герметическом мраке и короле, ожидавшем смерти». Горизонт читательского ожидания, направленного на слова «герметический мрак», оказывается размытым, так как Жарри затевает здесь пародийную словесную игру, обыгрывая название романа Рашильд «Принцесса сумерек» («*La Princesse des Ténèbres*», 1895), а определение «герметический» отсылает к журналу «Меркюр де Франс» (Меркурий/Гермес), с которым сотрудничал Жарри. Так глубинное здесь оборачивается по-

верхностным и, напротив, за поверхностью жизни открывается хаос «клинамена». Мистика у Жарри в конце концов оборачивается мистификацией. Поиски сакрального знания завершаются констатацией того, что истина – всего лишь иллюзия. При этом излюбленной формой художественного мышления у Жарри становится иронический дискурс, комическое начало, соединенное с гротеском, в результате чего возникает уникальный специфический «черный юмор» Жарри, который он исповедовал и в реальной жизни.

Принцип «клинамена» порождает в текстах Жарри свою орфографию: «rhyuance» («фуйнансы»), «oufficiers» («уфицеры»), «oneilles» («ухи»). Алфавит, представленный в «Иллюстрированном альманахе Папаши Убю (XX век)» («Almanach illustré du Père Ubu <XX Siècle>», 1901), вызывает ассоциации с известным сонетом Рембо «Гласные» («Voyelles», 1883). Подобно Рембо, Жарри наполняет буквы содержанием, идущим от его субъективного видения, при этом совершается соединение духовного, плотского, чувственного начал: «А. Голод (брюхо Папаши Убю). I. Ликование Папаши Убю. Е. Кровожадность (челюсть Папаши Убю). О. Восторг (пупок Папаши Убю). У. Боль (слезы Папаши Убю)» [Жарри: 216–217]. Французский исследователь М. Арриве не без основания усматривает в особом внимании Жарри к буквам и их материальным формам, дающим повод к довольно фривольным словесным играм, которые возникают в одном из текстов указанного альманаха, эротический подтекст [Arrivé: 68–69].

Механизм «клинамена» проявляет себя в творчестве Жарри и на уровне фразового единства, образуя причудливые связи между словами, создавая «перекрестки из слов», «ошеломляющие образы», предвещающие сюрреалистические опыты, примером чему может служить, скажем, название одной из уже упоминавшихся книг писателя – «Les minutes de Sable mémorial» («Минуты памятного песка»).

Тот же принцип работает у Жарри на уровне жанра: в его творчестве, весьма часто в рамках одного произведения соединяется поэтическое и прозаическое, гиньольное, фарсовое, и ужасное, трагическое. Так же причудливо в произведениях Жарри может выстраиваться и сюжет. В романе «Беспредельная любовь» разворачивается история, главным персонажем которой является Эмманюэль Дьё (Emmanuel Dieu; Эмманюэль – в переводе с древнееврейского означает «С нами/перед нами Бог»; Дьё (фр. Dieu) – «Бог»). Текст романа – слово, порожденное Жарри, но представляющее нам мир, творимый сознанием Эммануила Дьё – Бога. В конечном итоге слова автора и героя, субъект и объект смыкаются, совпадают. Творя сознание героя, автор создает новую реальность, которая перестает подчиняться привычным законам. Ми-

метическая функция слова здесь сосуществует с демиургической.

Исходным понятием для Жарри оказывается изначальный хаос бытия, включающий в себя все сущее. В результате «смерти Бога» человек в художественном мире Жарри перекладывает его функции на себя: «Если души независимы и свободны, человек есть Бог (Мораль)» [Жарри: 346]. Он отныне претендует как на земную власть, подобно герою знаменитых пьес Жарри – папаше Убю, – так и на небесную: доктор Фаустроль объявляет себя Богом и творит мир наоборот в течение семи дней, лишая жизни все живое вокруг, считая, что «вселенная есть опровержение самой себя» [Жарри: 336]. То ли Бог, то ли Антихрист, скорее, и то, и другое в одном, он проповедует свое учение, создает свой Завет и на этом основании – новую реальность бытия. В начале и в конце творения Фаустроля находится слово, и слово это – «патафизика», а в основании слова – образ мира-хаоса.

Будучи уверенным, что Бог покинул этот мир, Жарри в одной из своих хроник, предназначенных для периодических изданий, обращаясь к пьесе Октава Мирбо «Дела есть дела» («Affaires sont les affaires», 1903), парадоксально переосмысливает известное изречение «Deus ex machina» на примере судьбы одного из персонажей указанной драмы – Ксавье, который по сюжету попадает под машину. Этот случай для Жарри – пример реализации в XX веке знаменитого античного театрального приема, приобретающего, однако, особый смысл: «В данном случае машина одна и сама по себе выполняет работу Бога. *Deus ex machina*. БОГ БЫЛ ИЗВЛЕЧЕН ИЗ МАШИНЫ. И машина от этого испытывала лишь меньшее трение» [Jarry 2007: 253]. Знакомое изречение, вынесенное в заголовок хроники, трактуется здесь в духе патафизической теории Жарри: «Бог из машины» – Бог, находящийся в машине, управляющий машиной, превращается в Бога, извлеченного из машины, Бога, покинувшего машину. Машина обретает свободу. Привычная нам фраза, фраза-клише поворачивается новыми, неожиданными смысловыми гранями. Мир, оставленный Богом, развивается по законам имманентного саморазвития, по принципу «клинамена».

Список литературы

- Делез Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002. 240 с.
- Жарри А. «Убю король» и другие произведения: пьесы, романы, эссе. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2002. 603 с.
- Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Ямпольский М.Б. Наблюдатель: Очерки истории видения. М.: Ad Marginem, 2000. 287 с.
- Alfred Jarry. Une étude par Jacques-Henry Levesque. Oeuvres choisies, bibliographie,

dessins, portraits, fac-similiées. Paris, Seghers («Poètesd'aujourd'hui»), 1967, 217 p.

Arrivé M. Lire Jarry. Bruxelles, Editions Complexe, 1976, 172 p.

Besnier P. Alfred Jarry. Paris, Fayard, 2005, pp. 13–17, 724 p.

Jarry A. La chandelle verte. Le Castor Astral, 2007, 325 p.

Jarry A. Les Minutes de Sable mémorial suivies de Césaire-Antéchrist. Paris, Fasquelle éditeurs, 1932, 262 p.

Stehlin C. Jarry, le cours Bergson et la philosophies. Europe, 1981, № 623–624, pp. 34–51.

References

Delez Zh. *Kritika i klinika* [Criticism and clinic]. Sankt-Peterburg, Machina Publ., 2002, 240 p. (In Russ.)

Zharri A. «Ubu korol'» i drugie proizvedeniia: p'esy, romany, esse ["Ubu the king" and other works: plays, novels, essays]. Moscow, B.S.G.-PRESS Publ., 2002, 603 p. (In Russ.)

Khaidegger M. *Vremia i bytie: Stat'i i vystupleniia* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 447 p. (In Russ.)

Iampol'skii M. B. *Nabludatel'. Ocherki istorii videniia* [Observer: Essays on the history of vision]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000, 287 p. (In Russ.)

Alfred Jarry. *Une étude par Jeacque-Henry Levesque. Oeuvres choisies, bibliographie, dessins, portraits, fac-similiées*. Paris, Seghers («Poètesd'aujourd'hui»), 1967, 217 p. (In French)

Arrivé M. *Lire Jarry*. Bruxelles, Editions Complexe, 1976, 172 p. (In French)

Besnier P. *Alfred Jarry*. Paris, Fayard, 2005, pp. 13–17, 724 p. (In French)

Jarry A. *La chandelle verte*. Le Castor Astral, 2007, 325 p. (In French)

Jarry A. *Les Minutes de Sable mémorial suivies de Césaire-Antéchrist*. Paris, Fasquelle éditeurs, 1932, 262 p. (In French)

Stehlin C. Jarry, le cours Bergson et la philosophies. Europe, 1981, № 623–624, pp. 34–51. (In French)